

© 2011 г. Т.А. Брачун

УДК 141

**ПРИМЕНЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ
«ПРОСТРАНСТВО» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭТНИЧЕСКИХ
КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ЧУКОТСКОГО ЭТНОСА)**

Сам термин «пространство» давно и прочно закрепился в самых различных отраслях знания и человеческой деятельности. В настоящее время в общественном сознании закрепились такие клише, как «образовательное пространство», «пространство личности», «политическое пространство», «экономическое пространство», «культурное пространство», «правовое пространство», «этническое пространство» и т. д. и т. п. Условность термина «пространство» в данном случае очевидна. В отличие от физического пространства, которое возможно исчислить, определить в мерах расстояния, объема, «правовое пространство» или «политическое пространство» бытуют в иных измерениях. То же можно сказать и о «культурном пространстве» или, скажем, о «цивилизационном пространстве». «Правовое пространство», например, это отрасль жизни социума, образованная системой регулятивов и норм. Физическое измерение этого пространства, безусловно, существует, но оно имеет второстепенное значение. «Культурное пространство – это пространство, образованное множеством феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих друг с другом» [1, с.201]. Можно, конечно, избавиться от термина, который используется в переносном значении, и говорить о сферах жизни, отраслях деятельности, культуре деятельности, мере распространности и многом другом. Но мы не пойдем по этому пути, поскольку применение понятия «пространство» к исследованию этнических систем находим весьма удачным и приемлемым. В данном случае понятия «пространство» как бы «играет» всеми гранями своего емкого смысла, где главным является то, что этнос имеет непосредственное отношение к определенной территории. Таким образом, мы имеем дело как с прямым, так и с пере-

носным значением слова, что значительно обогащает структуру понятия и дает дополнительные возможности исследователю.

Если говорить о многомерном и весьма многослойном пространстве социальной реальности, социальной сферы, то каждое из перечисленных выше «пространств», равно как и множество иных, не названных здесь пространств, входит в него по принципу «вложенности» [1, с. 201], заполняя собой некую часть общественной жизни. При этом каждое существует отдельно лишь в модели, поскольку является чем-то частным, составляющим одну из сторон общего, и не может развиваться и реализовываться изолированно.

Если говорить об «этническом пространстве» как об одном из «пространств» социальной реальности, то оно имеет некоторое приближенное отношение к таким понятиям, как «географическое пространство», «пространство ландшафта», «физическое пространство», поскольку почти всегда является доступным для физического измерения. Скажем, на карте Российской Федерации, «этническое пространство» чукчей оконтурено совершенно определенной границей, что делает Чукотский автономный округ самостоятельным компонентом «политического пространства» страны, а также ее «инфраструктурного пространства» и «правового пространства». Определена совершенно точно площадь Чукотского автономного округа, наведены границы с другими субъектами «политического пространства» страны, что делает возможным увидеть «этническое пространство» чукчей в модели, на карте Российской Федерации.

Вместе с тем «этническое пространство» чукчей не совсем точно соответствует политической карте страны, поскольку к этническому пространству следует относить и не признанные формально места компактного проживания этноса. Но в целом мы имеем дело с разнообразными характеристиками «этнического пространства» чукчей, доминирующей из которых как раз является пространственная локализация этноса, или особого сообщества людей, где длительное время живет и развивается этническая культура. Таким образом, пространственный компонент этнической идентичности весьма важен и выступает едва ли не ведущим, среди иных, составляющих полную картину любой этнической идентичности.

Современная философия явлена двумя основными концепциями категории «пространство». Сейчас принято говорить о так называемых реляцион-

ной и субстанциональной концепциях. Эволюция взглядов на «пространство» представлена такими именами, как Платон, Аристотель, И. Кант, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, Ф. Ратцель, М. Бубер, В.И. Вернадский, П.А. Флоренский, Ф. Бродель, П.П. Гайденко, Н.Н. Трубникова и многими другими. Различным аспектам и характеристикам «социального пространства» посвящены работы П. Бурдьё, П.А. Сорокина, П. Штомпки, П. Бергера, М. Кастельса, А.И. Кравченко, В.И. Добренькова и многих других. В современных условиях развития специализированных научных дискурсов понятие «этническое пространство» представлено в целом ряде научных дисциплин. Этот феномен раскрывается через категории социальной философии (И.А. Петрова, Г.П. Кибасова, Н.Н. Седова), истории (В. А. Шнирельман, В. П. Буданова), социологии (В. И. Ильин), этнологии (Л.Н. Гумилев, В.А. Тишков, С.В. Лурье), этносоциологии (З.В. Сенкевич) и целого ряда других дисциплин.

Следует отметить, что представленные выше авторы, а также и другие авторы, посвящающие труды данному феномену, в целом, доказывают, что философский уровень освоения действительности позволяет изыскать методологию, как классификации, так и анализа различных факторов и феноменов разнообразных жизненных процессов. Путь от упрощенного, формального понимания категории «пространство, как вместителища объектов, базирующегося на физике И. Ньютона, к «пространству» Г. Лейбница, которое возникает как взаимодействие монад, позволяет понять его некоторые особые характеристики.

Основной характеристикой мы предлагаем считать взаимодействие, что предполагает наличие системности, перехода из состояния порядка в состояние хаоса, и наоборот, а также, в целом, соответствует методологии синергетического анализа. Это позволяет, в свою очередь, применить к категории «пространство» предикат «этнический», «социальный», «правовой», «культурный» и т. д. [2], и говорить о «пространстве» в максимально широком смысле.

Генезис представлений о «пространстве» наилучшим образом характеризует смысл понимания человеком не только ареала своего бытия, но и ареала распространения человеческого духа, раскрывает объемность понятия, его многогранность. Античность, сформировавшая представления о при-

родном и социальном, лишь наметила пути понимания «пространства» как обиталища. Средневековая парадигма «пространства» способствовала преодолению границ политико-этнической замкнутости, анклавности, видя в пространстве единый мир (христианский, языческий или мусульманский), формирующий единый взгляд на мир, культуру и историю. В эпоху Возрождения и Нового Времени сложились воззрения на географическое и историческое «пространство» как на единство бытия человеческой культуры.

В контексте данного исследования особый интерес представляют воззрения таких мыслителей, как Ф. Ратцель В. Бланш, П.Н. Савицкий, О. Шпенглер и др. Ф. Ратцель сформулировал идею об органической взаимосвязи «пространства» и сообщества и зависимости человека и его свободы от стихий природы [3, с.13-14]. Естественная связь человека с территорией способствует воспроизводству смыслов и характеристик, что и обуславливает нарастание культуры во взаимодействии с природой [4, с.130-131]. Так, из абстрактного вопроса: «Кто я?» происходит более конкретная проблема, наполняющая смыслом этническую идентичность: «Кто я на своей земле?», «Что я без своей земли?», что устанавливает твердую связь этнической идентичности и ландшафта, ареала, со спецификой климата, флоры и фауны.

Антропологический компонент категории «пространства» В. Бланша привел этого мыслителя к пониманию проблемы и сущности феномена локальности. Наряду с цивилизацией, осваивающей все новые и новые земли, он выделяет «очаги», составляющие компоненты цивилизации, ее первоначальные анклавы и сообщества. Эти анклавы и сообщества непосредственно связаны с природой и ее особенностями, что часто выступает причиной отличий культурных. Он вводит понятие «географическая индивидуальность» и утверждает, что «географическая индивидуальность не есть что-то данное заранее природой; она лишь резервуар, где спит заложенная природой энергия, которую может разбудить только человек» [5, с.75]. Действительно, коэволюция систем «природа – человек», выраженная в этнической культуре, способствует раскрытию нового потенциала, энергии, имеющей свое твердое воплощение в культуре. Это перекликается с выводом О. Шпенглера о влиянии процессов адаптации на самобытность народов. С этим умозаключением спорить невозможно, хотя бы потому, что фольклор, базис и источник этнической культуры, переполнен персонажами, символами и образами, а также

процессами и явлениями, происходящими в пределах «этнического пространства», ареала обитания. Так возникает понимание того, что именно и почему именно это наполняет смыслами процесс создания совокупной картины этнической идентичности.

Термин П.Н. Савицкого «месторазвитие» фактически устанавливал детерминирующие начала между ландшафтным пространством и господствующей формой хозяйственной деятельности. Результатом этой взаимосвязи выступает целостный культурный и социально-исторический путь народа. «"Месторазвитие" по основным свойствам своим приучает к общему делу» [6, с.302-303]. «Пространство» насыщается не только деятельностным, но и духовным содержанием, а также идеей единства определенной общности. Так проявляется связь времени, пространства и личности в создании имманентной себе идентичности. Идея единства у П. Н. Савицкого распространяется и на проблему со-бытия этнических общностей. Считая культурное родство значительно более мощным фактором развития, чем этническое, он полагал, что культура может служить объединяющим началом для мирного и конструктивного сосуществования.

Действительно, это так. Особенно эта закономерность проявляется при анализе генезиса этнических культур Севера. На протяжении многих веков народы Севера живут в соседстве. Это соседство представляется, в целом, мирной парадигмой со-бытия. Безусловно, в истории бывали и конфликты и даже продолжительные войны, но всякий раз они заканчивались коллективным осознанием необходимости жить в мире. Этому способствует и культурное родство народов Севера, культурные контакты, культурные заимствования. В середине XX века даже возник термин, обозначающий одну из вершин межэтнической интеграции. Так, например, говорили и говорят о чукотско-эскимосской культуре. Несмотря на то что эскимосы живут только на побережье и занимаются охотой на морзверя, их сходство и интеграция с приморскими чукчами, их соседство стали причинами интеграции, которая привела, казалось бы, к немислимому обобщению. В данном случае речь даже не идет о родстве культур, которое явлено во многих сферах жизни, а о единой межэтнической культуре, о сращивании культурных миров двух издавна соседствующих этносов. В то же время говорят и о, так называемой чукотской культуре. Это понятие со времен советского периода имеет двоякое значение. В первом

значении имеется в виду собственно культура чукотского этноса, а во втором – культура региона, на территории которого проживают сразу несколько народов, составляющих некий единый конгломерат культур, имеющих заметное внешнее сходство, объединенных принципом «месторазвития».

Весьма весомый вклад в понимание проблемы «этнического пространства» внес Л.Н. Гумилев. Привнеся в этнологию методологию естествознания, он обратил внимание на то, что этнические системы находятся в прямой зависимости от законов природы. Это послужило причиной разведения наук об обществе на социальные и этнические, где этнические науки призваны раскрыть одно из направлений коэволюции социосферы. Он полагал, что «в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов» [7, с.178], которые могут протекать и протекают на уровне подсознания. Особое значение приобретает в учении Л.Н. Гумилева проблема пространства этноса. Привлекая знания из области географии, исторической метеорологии и т. д., он определяет значение пространства как сакральной ценности и как кормящего ландшафта, подходит к пониманию взаимозависимости ресурсов ареала проживания и этнической культуры.

Перекликаются с этими выводами и предположения Г.Д. Гачева о трансформации прагматического взгляда на окружающий мир. Он вводит термин «аэро-политика», в дополнение к термину геополитика [8, с. 53] и говорит о неизбежности восприятия пространства не только как земли, но и «воз-духа», духа, что настраивает на понимание среды как духовного компонента жизни. Так «пространство» обретает символическое толкование, поскольку наполняется духовным содержанием и духовными субстанциями.

В последнее время наметилась тенденция сближения прямо противоположных взглядов на «пространство». С одной стороны, мы имеем убеждение о «неустранимом разнообразии географического пространства» [9, с. 4], но с другой – мы наблюдаем как «мир приводится к единому, упорядочивается, становится выразительным» [10, с. 132]. Эксплицируя эту тенденцию на этнические системы, мы видим процесс сближения колоссального разнообразия этнических культурных миров, смысл которого не в диффузии и слиянии, что способствует аннигиляции культур, а в раскрытии этнокультур. Так, через особенности окружающей среды, через связь с ландшафтами этнос рас-

крывает свою связь с «пространством социосферы». При этом пространственные представления становятся неотъемлемой частью любого идентификационного конструкта.

Безусловно, каждая этническая культура, каждый народ имеет свое представление о «пространстве», свою «пространственную культуру», то есть способ позиционирования сообщества. Это рельефно отражается в конструировании национальных идентификационных моделей. Поскольку само «пространство», во всех своих многомерных характеристиках, имеет свою специфику.

Этот, безусловно, неполный, конспективный анализ проблемы «пространства» как философской категории представляется вполне достаточным для выявления основных особенностей складывания картины этнической идентичности.

Он позволяет установить следующее:

1. Понятие «пространство» является одним из самых неопределенных, объемных и сложных в современной науке. Это одно из базовых понятий, вместимость, многозначность и свойства которого позволяют обратиться к многочисленным его производным и обогатить анализ построения конструктов этнической идентичности, не обособляя культуру и природу, время и место, духовное и прагматическое.
2. Понятие «пространство» непосредственно связано с социосферой. С одной стороны, оно позволяет определить общие характеристики социосферы, а с другой – обобщить представления, возникающие в социосфере об одной из важнейших жизненных характеристик человека – ареале его обитания и реализации его культуры.
3. Социокультурный образ человечества может быть описан благодаря возможности анализировать множество физических и социальных «пространств», означающих тот или иной способ деятельности, формирующий тот или иной тип социальных отношений. Они возникают по мере развития человечества, усложнения отношений внутри его системы, пересекаются, дополняют друг друга, но при этом всегда характеризуют то или иное состояние общества.
4. «Этническое пространство» является одним из компонентов, одним из сегментов социосферы как универсального контекста жизни человека,

в пределах которого развивается и раскрывается этническая культура, происходит седиментация (оседание, откладывание, накопление) специфической традиции, совокупности обычаев и т. д. Вместе с тем «этническое пространство» выступает и местом зарождения инноваций, которые развиваются в согласии с условиями ландшафтов, культурного окружения и т. д.

5. «Этническое пространство», целостные и богатые представления о нем являются показательным фактором целостности и устойчивости идентификационных концептов. Это не простая совокупность физических тел и элементов, имеющих «этнический оттенок». Это отношения физического и духовного, проявляющиеся в специфических смысложизненных конструктах, мировоззрении и способе мировидения. Это особое, своеобразное отношение к совершенно определенной территории, выраженное во всем богатстве этнической культуры.

Как мы уже отмечали, этническая система имеет некоторые отличия от системы социальной. Мы исходим из того понимания социальности, что она возникает там, где устанавливаются взаимоотношения, связи. В свою очередь, социальные процессы происходят из взаимодействия людей, представляются обретением исключительно человеческого сообщества, если таковыми не считать взаимоотношения внутри стад животных. В «чистом» виде социальность есть взаимодействие людей и их групп. Социальными отношениями являются отношения между социальными классами и стратами, профессиональными группами и профессиональными сообществами и т. д.

Вне всяких сомнений, социальные отношения существуют и внутри этнических общностей. Это отношения между людьми, семьями, родами, племенами и т. д. Однако эти взаимоотношения возникают на основе влияния природных процессов и детерминированы законами природы. В их основе лежит традиция, обычай. Они находятся в прямой зависимости от ландшафтов, флоры и фауны, а также от исторически сложившихся форм, приемов и принципов совместной деятельности. Поэтому понятие «социальное пространство», охватывая исключительно сферу взаимодействия, не совсем соответствует понятию «этническое пространство», означающее атомарное состояние культуры, вырастающей из перманентного контакта социосферы и биосферы. Диффузия этнической культуры, мера взаимопроникновения различных

культур, по общему мнению, почти всегда свидетельствует о мере социальной зрелости того или иного этноса. Принято считать, что господство социальной нормы над обычаем и традицией и есть водораздел, означающий уровень социализации того или иного этноса. В силу этого выделяются «более зрелые» в социальном отношении этнические системы, а также «менее зрелые», находящиеся под серьезным влиянием традиции и обычая.

Возможно, поэтому кажется недоразумением высказывание «французский этнос» или «германский этнос». Это социальные образования, которые давно перешли черту своей «этничности», так сказать, преодолели свою «этничность» и забыли национальную традицию и обычай. Вместе с тем, попадая в специфические условия, этническое сообщество группируется и сплавивается вокруг, казалось бы, давно забытой национальной традиции. Вспомним хотя бы, образ Николя Шовена, героя анекдотов, памфлетов и т. д., олицетворяющего собой «все французское», «все национальное», составляющего противовес разложению национальной традиции. Примером «переноса Родины» служат США, на чьей территории проживают множество этнических общностей, сплавиваясь при этом и реанимируя национальную культуру и традицию. Так создается прецедент «этнического пространства», овеянный реанимацией культурной традиции на совершенно новой территории, в совершенно новых условиях.

Этнос обнаруживает себя через разнообразные проявления и модификации традиции, специфические и оригинальные представления, культурные артефакты, наполняющие совершенно определенное «этническое содержание».

В этом смысле конструктивной представляется модель трех уровней «культурного пространства», предложенная современным исследователем Е. Г. Зинковым, каждый из которых вполне бы мог стать самостоятельной исследовательской доктриной такого явления, как «этническое пространство». Он выделяет следующие уровни:

« – пространство как среду многообразно воплощенных ценностей, в которой могут обитать различные этносы;

– ту часть культурного пространства, которая в состоянии культурного равновесия идентифицируется этносом как своя и значимая для данной фазы этногенеза;

– наконец, совокупность тех значимых для этноса ценностей, которая никак не представлена в культурной среде и осуществляется лишь в психологических традициях этноса, в его коллективном бессознательном» [2, с. 35].

К данной композиции, всецело принимаемой и конструктивной для заявленного исследования, можно добавить, пожалуй, еще одно важное обстоятельство. Этнические культуры не бываю замкнутыми, и, порой, та или иная этническая культура, в силу тех или иных факторов, распространяется достаточно широко в неких образах, представлениях, символах и т. д. Такое распространение также можно отнести к «этническому пространству», с той лишь оговоркой, что оно медитативно, а не реально. Реальным «этническим пространством» следует считать ту культурную форму, которая пребывает в непосредственной «привязке» к ландшафту (коренному ландшафту). То есть при определении реального «этнического пространства непременно присутствует элемент автохтонности. Медитативное «этническое пространство» есть ареал, в котором укоренились произвольно те или иные культурные элементы, ставшие важными для иных социокультурных общностей.

Для анализа «этнического пространства» чукотской этнической системы необходимо учитывать один из важнейших факторов и свойств самого «этнического пространства». Процессы нескольких предыдущих столетий обернулись постепенным экстенсивным освоением пространства российским государством. Не оказалась исключением и Чукотка, ареал проживания нескольких автохтонных народов. Реализуя свою власть на обширных территориях Евразии, Россия освоила, взяв под свой государственно-политический контроль грандиозные территории, ни одна из которых не представляла собой пустыню. Каждая территория уже была освоена той или иной этнической общностью, составляла ареал той или иной этнической системы.

Географическое, территориальное освоение как акт установления политического контроля неизбежно повлекло за собой освоение социокультурное. Это повлекло за собой реорганизацию пространства, а вместе с ним и представлений об «этническом пространстве». В культуре охотников, собирателей, рыболовов, пространство не имело границ, в отличие от культур земледельческих, имеющих концентрический, круговой способ восприятия пространства со зримым выделением его границ [2, с.38]. Кочевые культуры видели в пространстве последовательно (циклически) сменяемые антуражи поверхности,

границы которых были так же очевидны, как и у земледельцев. Однако процесс освоения ландшафта, его использования имеет некоторые отличия от процесса присвоения ландшафта, «пространства». Феномен «присвоения» предполагает совершенно четкое разграничение. Это хорошо иллюстрирует пример чукчей. Но этническое освоение (присвоение) «пространства» сильно отличается от освоения «пространства» цивилизацией. Для России Чукотка сразу приобрела образ отчужденной земли, территории с крайне неблагоприятными условиями жизни, экстремально суровым климатом, земли, населенной дикими и своевольными людьми, не поддающимися культурному влиянию. Уже во второй половине XX столетия Чукотка становится, напротив, местом весьма желанным и обаятельным для людей, не утеревших дух свободы, стремящихся к реализации своей судьбы, своей свободы.

Возникла уникальная ситуация «естественного отбора», когда сквозь пространства Чукотки прошли тысячи людей, стремящихся «попробовать северной романтики». Многие из них не выдержали суровых условий жизни, долгой, почти постоянной зимы и покинули Чукотку. Оставались лишь те, кто искренне принимал «правила игры», влюблялся в чукотские просторы, ландшафты, в ее бескорыстных, мужественных, благородных, сильных людей. Чукотка как бы «просеивала людей» сквозь сито «настоящей, искомой жизни», оставляя в своем лоне лишь крупные человеческие особи, сильные характером [11, с. 21]. Тут оставались и идеалисты-романтики, устремленные к новым открытиям и страждущие «попробовать на вкус» жизни первопроходцев, и многие люди творческих профессий, стремящихся «начать с нуля», проявить себя там, где еще не было цивилизации, и честные самоотверженные «работяги», приехавшие за «длинным рублем» и карьерой, и те, кто бежал от тенет тоталитаризма от гнетущих антуражей вечного страха.

Таким образом, «этническое пространство» чукчей представляется многомерной реальностью, наполненной специфическим этническим культурным содержанием, основанным на традиции, это напластование характеристик и ценностей, сложная, устойчивая структура бытия этнической системы. Сформировавшиеся представления об «этническом пространстве» есть способ локализации всей совокупности «особенного», что наполняет этническую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кармин А.С. Культурология. СПб., М., Краснодар, 2003.
2. Зинков Е.Г. Культурное пространство России в исторической ретроспективе. Ставрополь, 2008.
3. Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1900.
4. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 1901.
5. Нартов Н.А. Геополитика. М., 2004.
6. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Континент Евразия. М., 1997.
7. Гумилев Л.Н. Горе от иллюзий // Ритмы Евразии. М., 1993.
8. Гачев Г.Д. Юг России – космос кочевника, земледельца, горца и мореплавателя // Юг России в перекрестье напряжений: Материалы всероссийской научной конференции, Туапсе. 28 сентября – 1 октября 2003г. В 2 ч. Волгоград, 2004. Ч. 1.
9. Цыганков А.П. Что для нас Евразия? Пять стратегий русского освоения пространства после распада СССР // Вопросы философии. 2003. № 10.
10. Бубер М. Проблема человека // К 19 Всемирному философскому конгрессу. М., 1992.
11. Брачун Т.А., Сахибгоряев В.Х. Чукотский этнос: генезис и кризис. Магадан, 2009.